

ЛИНГВИСТИКА

В. Ю. Гусев

НОВЫЕ ЭВЕНКИЙСКО-САМОДИЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ¹

В статье предлагается 19 новых этимологий и 1 дополнение к существующей этимологии, которые связывают самодийские языки с эвенкийским. В большинстве случаев предполагается заимствование из эвенкийского языка или его более ранней формы в прасамодийский или отдельные самодийские языки, особенно в нганасанский, и в 2 случаях – заимствование в эвенкийский из какого-то самодийского идиома, близкого к тундровому ненецкому.

Ключевые слова: *этимология, самодийские языки, тунгусо-маньчжурские языки, эвенкийский язык, нганасанский язык, энецкий язык, ненецкий язык.*

Изучение взаимных заимствований между тунгусо-маньчжурскими и самодийскими языками имеет давнюю историю; наиболее полный их компендиум на настоящий момент – это книга (Аникин, Хелимский, 2007), где собраны все известные и предполагаемые лексические параллели (далее ссылки на нее оформляются как «АнХел» с номером этимологии).

В настоящей статье предлагается ряд новых этимологий либо дополнений к этимологиям, представленным в этой работе. Все эти этимологии содержат с одной стороны эвенкийскую параллель, иногда – но далеко не всегда – поддержанную другими тунгусо-маньчжурскими языками. Большинство из них предполагают заимствование из тунгусо-маньчжурских языков в самодийские, причем разных эпох; в том числе в одном случае (№ 1) предполагается заимствование в прасамодийский язык, хотя соответствующий корень зафиксирован только в нганасанском. Ряд этимологий связывает эвенкийский только с нганасанским языком, что естественно в свете известных данных об участии эвенков в этногенезе нганасан (см. (Долгих, 1952: 69)), ср. этимологии в (АнХел, 171–180), включая такие, как нган. *ñaagəə* ‘хороший’ и *heku-* ‘горячий’. Наконец, две этимологии предполагают заимствование в обратную сторону, из источника, близкого к тундровому ненецкому, в западные говоры эвенкийского языка; такие заимствования также не уникальны, ср. (АнХел, 143, 145, 146, 147, 151, 153, 155).

Эвенкийские данные, если не указано иное, приводятся по Эвенкийско-русскому словарю (ЭРС), энецкие – не опубликованному энецкому словарю Е. А. Хелимского (ЭнСл), нганасанские – по нашим собственным полевым данным.

1. ТМ *sōl-* ‘смешать; соединить’ (ССТМЯ II: 106–107: эвенк *sōlī-* и т. д.)² > ? раннеПС **sVI-* > нган. *tolu-* ‘соединиться, смешаться’, *toluə-* ‘соединить, смешать’, *tolu* ‘смесь’ и др. Корень широко представлен в ТМ языках; из самодийских засвидетельствован только в нган. и не имеет иной этимологии.

Соответствие ТМ *s* – нган. (сам.) *t* предполагает заимствование в раннепрасамодийский до общесамодийского перехода **s > *t*. Известно как минимум еще одно такое заимствование: ПТМ **salga(n)* ‘промежность, развилка’ > раннеПС **salkā* > ПС *talkā* > сельк. *tolqa* ‘то же’ (АнХел, 7).

Помимо того факта, что с самодийской стороны корень известен только в нганасанском языке, надежность данного сопоставления снижается из-за неясного соответствия гласных:

¹ Автор признателен А. М. Певнову за внимательное прочтение и множество ценных замечаний к статье. Работа написана при поддержке гранта РФФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе».

² А. Н. Мыреева (2004: 513, 562) дает этот корень без долготы: *сол-, хол-*.

нган. форма (с чередованием во втором слоге *tolu-/tola-*, напр. перфект *tola-ʔa*) предполагает скорее ПС **tālā-*, чем **tol-*.

Кроме того, семантика нганасанского корня, где исходная основа непереходная, указывает на возможность заимствования пассивной основы типа эвенк *сōлйв-* ‘быть смешанным, соединенным; смешаться, соединиться’.

2. Эвенк. *каври(кй)* Сх ‘кнут, которым погоняют оленя; остол’ > ? сев.-сам.: нен. **χāřej*, эн. Т, Л *koriʔo*, нган. *kariʔa* ‘хорей (шест, которым управляют оленями)’.

В литературе обсуждалось эвенк. *куреј* ‘хорей (длинный шест для управления упряжными оленями)’ – заимствование из незасвидетельствованного нен. **χāřej*, соответствующего эн. Т, Л *koriʔo*, нган. *kariʔa*; из этой же нен. формы – русское *хорей* и ряд форм в других языках (АнХел, 145). Однако происхождение самодийских форм оставалось неизвестным.

В этой связи обращают на себя внимание восточнотунгусские названия инструмента, используемого как кнут (которым погоняют оленей или собак) и как остол (палка, которой тормозят нарту, втыкая ее в землю или в снег), типа эвенк. Сх *каврикй* ‘остол; кнут’, нег. *ка̇у̇рих̇и̇* ~ *ка̇у̇рих̇и̇*, ороц. *каури*, ульч. *қа̇у̇р̇и̇*, нан. *каор̇и̇* ‘остол’. Эти названия, по-видимому, образованы от корня *kaw-* ‘быть неподвижным; остановиться’ (ССТМЯ, I: 358). *у̇ и̇ и̇ и̇ а̇*

Самодийский хорей используется аналогичным образом: одним его концом погоняют оленей, а другой втыкают в снег для торможения (Попов, 1948: 66). Кажется вероятным происхождение его названия (ПСС **karij-*) от ТМ формы типа **kawri-*, без суффикса *-кй*. Правда, ТМ термина засвидетельствованы только на юго-востоке тунгусской территории, в то время как самодийские языки граничат с ней, наоборот, с северо-запада. Но можно предполагать, что соответствующий эвенкийский термин просто не был зафиксирован в районе Енисея либо рано вышел из употребления, оказавшись вытесненным обратным заимствованием из ненецкого – в значении, заметим, термина именно упряжного оленеводства, известного эвенкам от самодийцев, притом что у самих эвенков в этом районе преобладает верховое оленеводство. Отражение *aw* как *o* кажется возможным, особенно если заимствование произошло уже после того, как в самодийских языках исчезли сочетания типа **VwC*. Соотношение гласных, однако, неясно.

3. Эвенк. *малнга* (Алд, Учр, Тмт), *молнга* (П-Т) ‘безрогий дикий олень’ (см., помимо ЭРС, (Мыреева, 2004: 352)) ~ ПСС **malkə* ‘комольи, безрогий (об олене)’ ~ нган. *malkə*, эн. Т *togodi*, эн. Л *togo-йио*, нен. *мйлк*. Эвенкийское слово также изолировано (ССТМЯ, I: 524); вполне вероятно параллельное заимствование из третьего неизвестного источника.

4. Эвенк. *мәнэ-* ‘жить оседло; стоять стойбищем на одном месте продолжительное время’ > ? нен. *менець* ‘прожить на одном месте длительный срок’, нган. *mintə-* ‘жить на одном месте, не кочевать’. Сравнение эвенк. и нен. предлагается в (АнХел, 168), к нему можно добавить нганасанский корень.

Эвенкийский корень представлен и в других тунг. языках (ССТМЯ, I: 569). Сходство значения и формы между тунг. и сам. лексемами очевидно, однако фонетика представляет некоторые сложности. Нганасанский корень может указывать на **-nt-*, но может и содержать суффикс имперфектива *-ntə* (**min-ntə-*). Соотношение гласных также неясно.

5. Эвенк. *чātā* ‘грязь; глина; уголь; горящие угли’³ > 1) нган. *satu* ‘глина’, 2) нган. *satüä* ‘горящие угли’, эн. Т *седюо*, эн. Л. *седюи*.

ТМ корень представлен во многих диалектах эвенкийского и в негидальском, с достаточно большим количеством производных и с вариативностью форм (ССТМЯ, II: 386). Что

³ (Мыреева, 2004: 714): *чата, чату, чā тэ* (без долготы в первом случае).

касается семантики, то его значения делятся на два довольно далеких класса: 1) глина, мокрая земля и 2) зола или (горящие) угли. Возможно, речь идет о двух омонимичных корнях. В других ТМ языках этот корень ни в одном из значений не зафиксирован.

С первым из указанных значений очевидно связано нган. *satu* ‘глина’. Нган. *u* в непервом слого может восходить к *â, ср. здесь № 10; про эвенк. *č* – нган. *s* см. № 11. Таким образом, нган. *satu* < старонган. **sata*⁴ < эвенк. *čātā* ‘глина’ не вызывает никаких затруднений.

Второму значению соответствует ПСС *sātuā, сохранившееся в нган. и обоих диалектах энецкого. Непосредственно возвести его к какой-либо эвенкийской форме затруднительно. Скорее всего, суффиксация -*ā* (адъективного **-jā*) произошла уже на самодийской почве. Заимствованию, очевидно, способствовала особая роль огня вообще и углей костра в частности, которые перевозили с собой при перекочевке; существовал также особый идол домашнего очага *satiā kojka*, букв. ‘идол углей’ (Грачева, 1983: 37–40).

Необычная полисемия или омонимия не оставляет сомнений в связи эвенкийско-негидальских и нганасанско-энецких фактов.

Отметим, что рассматриваемые нган. и эн. формы не могут происходить от общеуральского **šid'e* (**šüd'e*) ‘угли’ [UEW] > ПС *siĵ [SW] > эн. *tuu-šio*, нен. Л. *šij* [JSW: 444b].

6. Эвенк. (С) *kirka* ‘собака (?)’ ~ эн. Т *kirkaa*, нган. *kirka²a* ‘короткошерстная, худая, белая собака’. В (АнХел, 188) эн. Т слово очень предположительно сравнивается с эвенк. *kirga* ‘стричь’. В сборнике фольклорных текстов Г. М. Василевич в одном из сымских текстов встречается слово *kirka* ‘собака’, правда, в не вполне ясном контексте: *amiŋasa kirkačand'en* ‘собака (букв. собачонка) покойного отца’ – имеется в виду лось (Василевич, 1936: 121). В ЭРС это слово отсутствует⁵. Тем не менее, кажется очевидным его сопоставление с эн. и нган. словами.

Нган. форма представляет собой аугментатив от незасвидетельствованной основы **kirka-* (теоретически возможно было бы также **kirku-*). Эн. Т форма, судя по долготе последнего гласного, заимствована из нган.

Направление заимствования неясно, однако это соответствие хорошо вписывается в ряд «животноводческой» лексики, заимствованной из эвенк. в сам. языки.

7. Эвенк. *эбэй*: междометие ‘ай, чур’, существительное ‘медведь’, *эбэйкэкун* ‘очень страшный’; также *эвэй*, *хэбэй* > нган. *əbəj* междометие испуга, *əbəjd'a'a* ‘сильный, умелый, страшный’, эн. Т *aboj*, *abej*, *oboj*, *ebej* и др. междометие испуга⁶, нен. Т. *абэй* ‘сильный злой дух’ (НРС: 25)

Вариативность этого междометия в эн. Т указывает на относительно недавнее заимствование из нганасанского: эн. Т *a*, *o*, *e* представляют собой варианты передачи нган. *ə*, отсутствующего в эн. Таким образом, в энецкий язык это слово, как и в предыдущем случае, скорее всего, пришло через нганасанский. Отсутствие начального *ŋ* в ненецком слове (засвидетельствованном, по данным «Ненецко-русского словаря», в ямальском и приуральском диалектах) указывает на недавнее, вероятно сепаратное заимствование.

8. Эвенк. *кири*, *кирин* ‘грязь; гадкий, противный’ > ? нган. *kur* ‘мусор’. Эвенкийский (также эвенский и, возможно, нанайский) корень – из тюрк. или монг. *kir* ‘грязь’ (ССТМЯ, I:

⁴ Мы пишем здесь в первом слого *a*, но ниже в ПСС *sātuā* – *ā*, поскольку предполагаем, что *čātā* в значении ‘глина’ была заимствована после отделения нган. от других самодийских языков, то есть, предположительно, после нган. перехода (в традиционной нотации) *ā > *ai* *ā > *o* в первом слого; в противном случае мы ожидали бы нган. *sotu. Понятно, что такая запись условна.

⁵ *Киркачай* НС ‘нож’ (ЭРС: 204; Мыреева, 2004: 291).

⁶ На эвенкийское происхождение этой основы указала Е. В. Клячко (л. с).

398). Нган. *и* на месте *i* может быть эвфемистической заменой, хотя варьирование *i* и *и* в эвенкийских диалектах тоже возможно (Василевич, 1948: 160).

Не исключено параллельное заимствование того же слова в нган. *kir* ‘муха’.

9. Эвенк. *удя* ‘след’⁷ – нган. *ηиэд’ээ*, (редк.) *ηиэ*. Нганасанское слово *ηиэд’ээ* содержит антериорный суффикс *-д’ээ*, который обозначает что-то сломанное, непригодное к употреблению или просто уже не существующее; этот суффикс обычно содержится в названиях разного рода следов: *ηатиуд’ээ* ‘колея аргиша’, *ηатиэ-д’ээ* ‘след от чума’ и т. д. Корень без него засвидетельствован в НганСл в сочетании *и́н’сүдэ ηиэ* ‘след легкой нарты’ (*и́н’сүдэ* ‘легковая нарта’). Корень *ηиэ* напоминает косвенную основу от *ηој* ‘нога’, однако в данном случае появление косвенной основы трудно объяснить.

Вероятным кажется сопоставление нган. *ηиэ* в значении ‘след’ с эвенкийским *удя/удя*. При заимствовании в нган. оно должно было дать **ијэ* (с неясным отражением *-а* как *э*⁸) > **ηијэ* > *ηиэ*.

Требуется комментарий отражение эвенк. *d’* как *j*. Как известно, в тунгусо-маньчжурских языках *d’* и *j* являются разными фонемами; напротив, во многих других языках Сибири, в том числе в самодийских, это синхронные варианты или диахронические этапы развития одной фонемы. Принято считать, что *j* переходит в *d’*; так, по данным М. А. Кастрена XIX в. в обоих энецких и нганасанском языке фигурирует *j* там, где сейчас чаще произносится *d’*. Однако в архивных записях Г. Ф. Миллера середины XVIII в., на век раньше Кастрена, в лесном энецком и нганасанском языках уже фигурирует *d’*, ср. формы слова ‘день’:

	эн. Л	эн. Т	нган.
Г. Ф. Миллер (РГАДА, ф. 199, № 513, д. 2, 7)	<i>Dere</i>	<i>jere</i>	<i>djalle</i>
М. А. Кастрен (Castrén, 1855)	<i>Jele</i>	<i>jere</i>	<i>jale</i>
современный язык	<i>Dere</i>	<i>dere</i>	<i>d’alj</i>

Это показывает, что произношение фонемы *j/d’* уже давно колебалось в сторону большей или меньшей смычности в достаточно широких пределах (как оно колеблется и сейчас, ср. о нганасанском языке (Wagner-Nagy, 2018: 36)). В этих условиях естественно, что эвенкийское *d’* в нганасанском могло быть воспринято как аллофон той же фонемы.

Заслуживает внимания возможность связи этого эвенкийского корня с эн. Т *иди-и* (где *-и* – тот же суффикс, что нган. *-д’ээ*), а также с эн. Л *и’* (*ид*), нен. Т *ηи’* (*ηид-*), нен. Л *ηит* (JSW: 41b). В этом случае эвенк. *d’* было воспринято не как *j*, но как зубной согласный, и, соответственно, отражен как *d* (> эн. *δ*). При этом заимствование в эн. Т, с одной стороны, и эн. Л и нен. – с другой произошло независимо друг от друга и от заимствования в нган.

10. Эвенк. *никā* ‘1. малыш (при обращении); 2. младший, разг. меньшей (в прямой речи)’ – нган. *н’ик’и* ‘обращение к детям или младшим родственникам’. Совр. нган. *н’ик’и* – закономерное продолжение **н’ик’и* < **н’ика*. Теоретически возможно заимствование в обе стороны, однако нганасанское слово не имеет параллелей в родственных языках и, кроме того, употребляется только при обращении. Эвенкийский корень, помимо обращения, употребляется и как нарицательное имя (ср. *никāтк’у* ‘самый младший’), очевидно связан как минимум с *никāк’и* ‘мизинец’, *н’ик’ун* ‘маленький’ и, наконец, зафиксирован в таком далеком от Таймыра диалекте, как урмийский. Поэтому заимствование из эвенкийского в нганасанский кажется намного более вероятным.

⁷ (Мыреева, 2004: 663): *удя*. По замечанию А. М. Певнова (л. с.), вариант без долготы более вероятен ввиду нанайского соответствия *ходя*- ‘выслеживать, преследовать зверя по следу’ (Оненко, 1980: 463).

⁸ Возможно, *э* в этом корне возникло в результате контаминации с упомянутым *ηиэ*.

11. Эвенк. *чинэ* ‘болезнь дерева (пук тонких ветвей на дереве)’ – нган. *səŋə* в *səŋə huaa* ‘дерево с голым стволом и густой кроной’. Эвенкийское слово имеет параллели в эвенском и орокском (ССТМЯ, II: 396), нганасанское слово не имеет этимологии.

К соответствию эвенк. *i* – сам. *ə* ср. эвенк. *чāтирэ* – нган. *satərə*, эн. Л. *sedoro* ‘песец’.

Соответствие эвенк. *č* – сам. *s* стандартно для заимствований, ср. упомянутое эвенк. *чāтирэ*, а также эвенк. *лāпчā* – нган. *ləbsuə*, нен. Т *ябцо* (< *jabsə*), нен. Л *d’āb’su* ‘хвост рыбы’ (АнХел 105, 134). Проще всего было бы объяснить это соответствие отсутствием *č* в северно-самодийских языках (новое *č* возникло из *t* в нганасанском, энецком и восточных говорах ненецкого, по-видимому, не ранее XX в.). Однако можно обратить внимание на переход *č* в *š* и *s* в северных говорах эвенкийского (см. (Василевич, 1948: 162)), что привело к отсутствию различия *č* и *s*; ср. эвенк. П-Т, С *чанки* ‘розвальни’ (< рус. *санки*). Не исключено, что в заимствованиях, о которых идет речь, аффриката исчезла уже в диалекте-источнике.

12. Эвенк. *хонё, хэне* ‘щель, трещина, расселина (в дереве)’ > нган. *hoj* (*hoŋ-*) ‘трещина, стык, место соединения’. И эвенкийское, и нганасанское слова изолированы в своих семьях, однако эвенкийский корень распространен на всей территории от Сыма до Сахалина, поэтому заимствование из эвенкийского в нганасанский более вероятно.

13. Эвенк. *чинэ-кэ* ‘птичка’ > ? сельк. *suŋə* (Alatalo, 2004: 360), эн. Т, Л *sanike*, нган. *sonj*, *sonaljə* ‘чайка’.

Эвенкийское слово встречается в двух текстах на сымском диалекте (Василевич, 1936: 45–51, 130). Во втором случае к тексту дается примечание: «Чинок – маленькая свистящая птичка, похожая на кедровку. Здесь передан разговор двух птичек, живущих на главной шаманской реке, чинок и клейстика». Слово отсутствует в ЭРС, но очевидно имеет отношение к хорошо известному *чингдэкэ, чиндэкэ* С ‘название птицы, похожей на кедровку’, см. также (ССТМЯ, II: 396) с параллелями из других эвенк. диалектов и тунг. языков, в том числе в форме *чиндэ* без суффикса. Упрощение *nd, ŋd* > *n* нехарактерно для сымского диалекта, однако связь этих лексем не вызывает сомнения. Нестандартное развитие может быть связано со звукоподражательным характером слова (ср. *чин-чин* ‘подражание крику маленькой птички’ в орокском и негидальском).

В селькупском языке слово зафиксировано в нескольких южных диалектах (см. (Alatalo 2004: 360; СРДС s.v. *суани, фэн, фэн, хуан*)) и не засвидетельствовано на севере. Соотношение гласных в селькупском, с одной стороны, и энецком и нганасанском языках, с другой, также нетривиально, поэтому вероятно, что заимствование произошло в селькупский и в северносамодийские языки независимо.

14. Эвенк. *үкэнг* ‘гагара’ > ? эн. Т *ixoseri* ‘вид гагар’, *ixoseri ŋioŋi* ‘крупная, не краснозобая гагара’, эн. Л. *ixoseri*, (Сорокина, Болина, 2009: 472) *усухури*⁹ ‘гагара, крохаль’, нган. *ukud’ari* ‘гагара’, (НганСл) ‘белоносая гагара’.

Слово *үкэнг*, также *хүкэнг, үкэнгэ, үкэг* и др. распространено в большом количестве эвенкийских диалектов, имеет варианты с начальным *x-*, поэтому обратное направление заимствования можно считать невозможным, а случайное совпадение маловероятно. С другой стороны, вторая часть нган. и эн. слов также неясна, хотя напоминает самодийский корень ‘белый’ (нен. Т *сэр*”, эн. Т *siroi* и т. д.). Неясно также соотношение *үкэнг* с *үкэн, хүкэн* ‘птичий зоб’ (с параллелями в других тунг. языках (ССТМЯ, II: 342)). Напрашивается семантическая трактовка самодийских форм как композитов со значением «зоб + белый», однако она наталкивается на фонетические трудности.

⁹ Вероятно, опечатка вместо *ухусури*.

15. Эвенк. *угучак* ‘верховой олень’ > долг.? > нган. (НганСл) *uutakə* ‘седло’.

Недавнее, судя по отражению *č* как *t* (фонетически, скорее всего, [č]), заимствование – но очень вероятно долганское посредство, ср. (Stachowski, 1993: 240, s.v. *ugučak*).

16. Эвенк. *уликта* ‘вяленое мясо’ > нган. (НганСл) *ulikta* ‘сушеное мясо’.

Неосвоенное (сочетание *kt* в нганасанском невозможно), вероятно окказиональное эвенкийское заимствование – возможно, как и № 15, через долганский?

17. Эвенк. *С унгтрэ-вүн* ‘помазок, кисточка’ > ? сельк. *umtə, untə* ‘борода’ (Alatalo, 2004: 55), нган. (НганСл) *untia*, эн. Т *ude* ‘лобок’.

В северных говорах селькупского этот корень употребляется в основном как прилагательное в составе выражения *untijl' ūkj* ‘борода и усы’, где *ūkj* значит ‘нос и губы’. Я. Алатало предполагает связь сельк. слова с общесамодийским **munt¹əjt³sən* (SW: 96) ‘борода’, однако отличия кажутся слишком большими: отсутствие начального *m* и суффикса, присутствующего во всех остальных языках. Вариативность *mt/nt* также необычна и может указывать на заимствование.

С другой стороны, есть внешне похожие нган. (НганСл) *untia*, эн. Т *ude* ‘лобок’, значение которых можно интерпретировать как «место, покрытое волосами». Начальное *u* в нган. также указывает на заимствованный характер слова.

Можно предположить связь этих корней с изолированным эвенк. *С унгтрэвүн* ‘помазок, кисточка’, где *tr* – это характерный для сымского диалекта «диффузный согласный» (Василевич, 1948: 63), рефлекс зубных шумных *t, s* после сонорных. Предположительно, речь идет об эвенкийском корне **untə* ‘щетина, шерсть, волосы’ или ‘нечто, покрытое волосами’; в качестве глагола (конверсия имен в глаголы нормальна для эвенкийского языка) он значит ‘действовать кисточкой, помазком или подобным инструментом’, и от него образовано имя инструмента с суффиксом *-wip* – *унгтрэвүн*.

К сожалению, изолированный характер и слабая засвидетельствованность большинства этих слов не позволяют считать этимологию надежной.

18. Эвенк. *-mō* эмфатический суффикс > нган. *-mə*.

Суффикс *-mō* описывается следующим образом: «при глагольной основе на конце слова. Суффикс, придающий слову значение междометия: *энэлгэмō!* ох, как надоело!» ((ЭРС: 775); *энэлгэ-* ‘лениться’); «used with verbal stems, exclamations of this type signal a high degree of the state which results from the performance of the action: *a:ma:!* ‘oh, so sleepy!’, *dərumo:!* ‘oh, so tired!’, *žəmo:!* ‘so hungry!’, *ηəlumo:!* ‘how scary!’» (Bulatova, Grenoble 1999: 54)¹⁰.

В нганасанском языке есть суффикс *-mə* (омонимичный показателю 1 л. ед. ч.), который присоединяется к глагольным корням¹¹ и образует восклицательные формы *najbumə!* ‘далеко/долго!’ (*najbægəə* ‘далекий, долгий’), *ηikumə!* ‘как много!’ (*ηukəgəə* ‘много’), *t'esimə!* ‘как холодно!’ (*t'esī-* ‘быть холодно’) и т. д. По-видимому, тот же суффикс входит в междометие *hiətmə!*, но основа этого междометия отдельно не зафиксирована.

Эвенкийский суффикс зафиксирован на юго-востоке эвенкийской территории (на Алдане, Зее, Учуре, Урми согласно ЭРС) и в литературном языке. Заимствование в нганасанский показывает, что он использовался и в северных говорах.

Заслуживает упоминания соотношение долгот в оригинальной и заимствованной версиях данного суффикса: при эвенкийской (судя по источникам) долготе в нганасанском мы

¹⁰ А. М. Певнов (л. с.) связывает это *-mō* с волитивным аффиксом *-mi* ‘хотеть’ («суффикс вида органической потребности» (ЭРС: 775): напр. *дему-* ‘хотеть есть’ от *дев-* ‘есть’) с эмфатическим расширением и удлинением на конце слова.

¹¹ Некоторые из них — производные от адъективных.

имеем одиночный (= краткий) гласный: во всех словах с ним ударение падает на предпоследний слог, что указывает на однородность последнего слога. Здесь возможны два объяснения: либо несохранение долготы при заимствовании, либо сокращение гласного в этом суффиксе по аналогии с квазиомонимичным ему показателем 1-го л. ед. ч. *-тэ*.

19. Эвенк. *ламба* П-Т, Е, И, Хнг ‘ложка’, *ламбакā* И ‘лопатка (для переворачивания оладий)’, *ламбакчан* И ‘лопатка (для переворачивания оладий); колотушка шаманского бубна’, *ламбан* И ‘двухлопастное весло’ < нен. *лāмба*.

Совр. нен. *лāмба* имеет значение ‘лыжа’, но ср. *lāmpāi* (JSW: 216b) ‘верхняя широкая часть рога оленя’, *лāмбэй* ‘ветвистый (о рогах)’, эн. Т. *lobe* с обоими этими значениями, нган. *lāmbi-дээ* ‘широкий передний отросток рога, выступающий вперед’. ПС/ПСС *lāmpa означало, по-видимому, предмет широкой и плоской формы¹². Форма эвенкийского корня указывает на заимствование из диалекта, близкого к современному ненецкому.

См. (АнХел, 115) о заимствовании в эвенкийский другой формы от того же корня: *ломпōл* Члм ‘ключка оленя с ветвистыми рогами’¹³.

20. Эвенк. *дēлар* Хнг ‘белый (о масти оленя)’ < ? сев.-сам. **jälä-* ‘день; светлый’: нен. Т *ялеко* ‘серый, светлый’, *ялена-* ‘быть светлым, серым, седым’, нен. Л. *d’al’oj, d’al’ona-* ‘то же’ (НРС: 833; Попова 1978: 12; JSW 1944: 93а), эн. Т *d’ala* ‘светлый’ (например, о глазах), *d’aleda-* ‘быть серым, светлым’ (из нен.), нган. *d’ali* ‘светлый (о глазах или волосах)’

Эвенкийская лексема изолирована и зафиксирована только в хинганском диалекте, который сам по себе далек от зоны контактов с самодийскими языками; но ср. № 19, где заимствование из ненецкого также присутствует в хинганском диалекте. О соотношении сам. *j* и эвенк. *d’* см. № 9.

Сокращения языков и диалектов:

долг. – долганский, монг. – монгольский, нан. – нанайский, нган. – нганасанский, нег. – негидальский, нен. – ненецкий (Т – тундровый, Л – лесной), оро. – ороцкий, ПИЕ – праиндоевропейский, ПС – прасамодийский, ПСС – прасеверосамодийский, раннеПС – раннепрасамодийский, рус. – русский, сев.-сам. – северосамодийские, сельк. – селькупский, ТМ – тунгусо-маньчжурские, тунг. – тунгусские языки, ульч. – ульчский, эвенк. – эвенкийский (Алд – алданский, Е – ербогоченский, И – илимпийский, П-Т – подкаменно-тунгусский, С – сымский, Сх – сахалинский, Тмт – томмотский, Учр – учурско-зейский, Хнг – хинганский), эн. – энецкий (Т – тундровый, Л – лесной).

Список литературы:

- Аникин А. Е., Хелимский Е. А.** Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. – М.: Языки славянской культуры, 2007.
Быконя В. В. (ред.) Селькупско-русский диалектный словарь. – Томск, 2005.
Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л., 1948.
Василевич, Г. М. (сост.). Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л.: Ин-т народов Севера, 1936
Василевич Г. М. (сост.) Эвенкийско-русский словарь. – М., 1958.
Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. – Л.: Наука, 1983.
Долгих Б. О. Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник. I. – М.; Л.: АН СССР, 1952. – С. 5–87.
Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2004.

¹² Неясна связь этого корня с ПС *lāmpāi*lāmpā ‘Blatt’ (SW: 82) и с нган. *lāhua* ‘доска, лопата’.

¹³ Кажется, что в данном случае конечное *-л* указывает не на северосамодийский, как предполагается в (АнХел), а скорее на селькупский язык как на источник заимствования.

- Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1980.
Попов А. А. Нганасаны: материальная культура. – М.; Л.: АН СССР, 1984.
Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкий словарь. – СПб., 2009.
Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. – Т. I–II. – Л.: Наука, 1975–1977.
Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965.
Хелимский Е. А. Нганасанский словарь. Рукопись.
Хелимский Е. А. Энецкий словарь. Рукопись.
Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch. Helsinki: Finnisch-ugrische Gesellschaft, 2004.
Bulatova N., Grenoble L. Evenki. – München: LINCUM Europa, 1999.
Castrén M. A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. – St-Petersburg, 1855.
Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1956.
Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Bd. I–II. – Budapest, 1986–1988.
Janhunen, J. Samojedischer Wortschatz: JGemeinsamojedische Etymologien. – Helsinki, 1977.
Stachowski M. Dolganischer Wortschatz. – Kraków, 1993.
Wagner-Nagy B. A Grammar of Nganasan. – Leiden, 2018.

Гусев Валентин Юрьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1. Москва, 125009.

E-mail: valentin.gusev@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 26 сентября 2019 г.

V. Gusev

NEW EVENKI-SAMOYEDIC ETYMOLOGIES

The paper presents 19 new etymologies and 1 addition to an existing etymology that bring together Samoyedic languages with Evenki. In most cases they presuppose borrowing from Evenki or some its earlier form into Proto-Samoyedic or separate Samoyedic languages, especially Nganasan; 2 etymologies propose borrowing into Evenki from a Samoyedic dialect close to Tundra Nenets.

The etymologies under discussion are: TM *sōl-* ‘mix’ > ? PS **sVI-* > **tâlâ-* > Ngan *tolu-* ‘be mixed’; Ev. *kawri(kī)* > ? Nen. *χărej*, En. *kori’o*, Ngan. *kəri’ə* ‘pole for driving reindeer’; Ev. *malŋa* ~ PSS *malkə* ‘hornless reindeer’; Ev. *mānā-* > ? Nen. *meneq-*, Ngan. *mintə-* ‘live settled, without wandering’; Ev. *čātā* > Ngan. *satu* ‘clay’, En. *seduo*, *sedui*, Ngan. *sattūə* ‘live coals’; Ev. *kirka* ~ En. *kirkaa*, Ngan. *kirka’ə* ‘short-wooled dog’; Ev. *ebej* > Nen. *abej*, En. *aboj* etc., Ngan. *əbəj* ‘exclamation of fright; frightful; powerful’; Ev. *kiri* ‘dirt; disgusting’ > ? Ngan. *kur* ‘rubbish’, *kir* ‘fly’; Ev. *ūd’a* > Ngan. *ŋuə(d’əə)* ‘trace, footprint’; Ev. *nika* > Ngan. *nükü* ‘little one’; Ev. *čīnə* ‘tree disease, witches’ broom’ > Ngan. *sənə* (*huaa*) ‘(tree) with a bare trunk and a thick crown’; Ev. *hoŋo*, *həŋə* > Ngan. *hoj* ‘chink’; Ev. *čīnə-kā* > ? Selk. *suānə*, En. *sanike*, Ngan. *sonj*, *sonaliə* ‘seagull’; Ev. *ūkəŋ* > ? En. *uxo-seri*, Ngan. *uku-d’ari* ‘loon’; Ev. *ugučak* ‘saddle reindeer’ > Ngan. *uučakə* ‘saddle’; Ev. *ulikta* > Ngan. *ul’ikta* ‘dried meat’; Ev. *uŋtrə(wūn)* ‘shaving-brush’ > ? Selk. *umtə/untə* ‘beard’, Ev. *ude*, Ngan. *untia* ‘pubis’; Ev. *-mō* > Ngan. *-mə*, emphatic suffix; Ev. *lamba* ‘spoon, scoop etc.’ < Nen. *lamba*; Ev. *d’ēlar* ‘white (reindeer)’ < ? North-Sam. *jälä* ‘day; bright’

Key words: *etymology, Samoyedic languages, Tungusic languages, Evenki, Nganasan, Enets, Nenets.*

References:

- Alatalo J.** *Sölkupisches Wörterbuch*. – Helsinki: Finnisch-ugrische Gesellschaft. 2004.
- Anikin A. E., E. A. Xelimskij.** *Samodijsko–tunguso-man'čžurskie leksičeskie svjazi* [Lexical correspondences between Tungusic and Samoyedic]. – Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2007. (in Russian)
- Bulatova N., L.** Grenoble. *Evenki*. – München: LINCOM Europa. 1999.
- Bykonja V. V.** (ed.) *Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar'* [Selkup-Russian dialectal dictionary]. – Tomsk. 2005. (in Russian)
- Castrén M. A.** *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*. – St-Petersburg. 1855. (in Russian)
- Dolgikh B. O.** Proiskhozhdenie nganasanov [Origin of Nganasans]. In *Sibirskii etnografičeskii sbornik* [Siberian ethnographic book]. Vol. I.– Moscow; Leningrad: AN SSSR. 1952. – P. 5–87. (in Russian)
- Gračeva G. N.** *Tradicionnoe mirovozzrenie oxotnikov Tajmyra* [Traditional system of beliefs of the Taimyr hunters]. – Leningrad: Nauka. 1983. (in Russian)
- Janhunen J.** *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. – Helsinki. 1977.
- Lehtisalo T.** *Juraksamojedisches Wörterbuch*. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 1956.
- Myreeva A. N.** *Ėvenkijsko-russkij slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. – Novosibirsk: Nauka. 2004. (in Russian)
- Onenko S. N.** *Nanajsko-russkij slovar'* [Nanai-Russian dictionary]. – Moscow: Russkij jazyk. 1980. (in Russian)
- Popov A. A.** *Nganasany: material'naja kul'tura* [Nganasans: material culture]. – Moscow; Leningrad: AN SSSR. 1984. (in Russian)
- Rédei K.** (Hrsg.). *1 Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. – Budapest. 986–1988.
- Sorokina I. P., D. S. Bolina.** *Ėneckij slovar'* [Dictionary of Enets]. – St-Petersburg. 2009. (in Russian)
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskix jazykov: Materialy k ètimologičeskomu slovar'u* [Comparative dictionary of Tungusic languages: Prolegomena to an etymological dictionary]. Vol. I–II. – Leningrad: Nauka. 1975–1977. (in Russian)
- Stachowski M.** *Dolganischer Wortschatz*. – Kraków. 1993.
- Tereščenko N. M.** *Nenecko-russkij slovar'*. – Moscow. 1965. (in Russian)
- Vasilevič G. M.** (ed.) *Sbornik materialov po èvenkijskomu (tungusskomu) fol'kloru* [Materials on Evenki (Tungus) folklore]. – Leningrad: Institut narodov Severa. 1936. (in Russian)
- Vasilevič G. M.** *Očerki dialektov èvenkijskogo (tungusskogo) jazyka* [Essays on dialects of Evenki (Tungus)]. – Leningrad. 1948. (in Russian)
- Vasilevič G. M.** (comp.) *Ėvenkijsko-russkij slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. – Moscow. 1958. (in Russian)
- Wagner-Nagy B.** *A Grammar of Nganasan*. – Leiden, 2018.

Gusev Valentin Jur'evič, candidate of philology, senior researcher.

Institute of linguistics, Russian Academy of sciences

B. Kislovskij per., d. 1, str. 1. Moscow, 125009.

E-mail: valentin.gusev@iling-ran.ru